

P $\frac{53}{310}$

310

2007059720

Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній Монголо-Калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій (Цааджинъ-Бичикъ).

Θ. И. Леонтовича. Одесса, 1879.

Въ 1640 году, въ дикихъ степяхъ Средней Азіи, темные ханы и князья калмыцкіе собрались на общій „сеймъ“, и на немъ составили довольно обширное уложеніе; подлинный текстъ его исчезъ (по мнѣнію Θ. И. Леонтовича); но уцѣлѣлъ неофициальный русскій переводъ, который, однако, имѣлъ у калмыковъ значеніе дѣйствующаго кодекса (или правильнѣе кодифицированнаго калмыцкаго обычнаго права). Онъ напечатанъ еще въ XVIII в. (въ Опытѣ Трудовъ Волян. Рос. Собр. при Моск. Университ., ч. III, 1776 г.), потомъ въ двухъ русскихъ журналахъ 1828 г. (Сѣв. Арх. и Сынѣ Отеч.). Уцѣлѣла также нѣмецкая транскрипція этого уложенія, сдѣланная Палласомъ и изданная въ „Sammlungen historischen Nachrichten über Mongolischen Völkerschaften“, 1776 г.

Нынѣ Θ. И. Леонтовичъ издалъ вновь тоже Уложеніе по списку, въ нѣкоторой степени отличающемуся отъ тѣхъ, съ которыхъ были сдѣланы прежнія изданія. Ученый издатель сдѣлалъ больше: онъ сопоставилъ русскій текстъ съ текстомъ Палласа, присоединилъ къ тексту обстоятельное изслѣдованіе памятника и даже всего монгольскаго права (по поводу рѣчи объ источникахъ Уложенія 1640 г.), собралъ фрагменты узаконеній, предшествовавшихъ уставу 1640 г. и отчасти послѣдовавшихъ за нимъ. Всѣ вопросы, затронутые въ предисловіи (стр. 1—62) онъ вновь пересмотрѣлъ въ добавленіяхъ (стр. 121—282), на основаніи данныхъ, сдѣлавшихся ему доступными по напеча-

таніи предисловія и текста. Наконецъ онъ приложилъ подробный указатель къ тексту памятника и довольно пространный перечень литературныхъ работъ по монгольскому праву.

Какую важность имѣетъ изданіе и обработка памятника такого малоизвѣстнаго и маловліятельнаго народа, какъ калмыки? Калмыцкое право... Не истраченъ ли напрасно большой и просвѣщенный трудъ на дѣло неблагодарное? Въ частности чѣмъ обогащается чрезъ этотъ трудъ русская научная юриспруденція?

Прежде всего изученіе памятника калмыцкаго права пригодно практически для знакомства съ обычнымъ правомъ инородцевъ, принадлежащихъ къ Россійской Имперіи, почему первый титулъ разсматриваемой книги таковъ: „Къ исторіи права Русскихъ инородцевъ“. Объ этомъ значеніи изданія распространяться нечего.

Болѣе важно теоретически научное значеніе этого устава: изданіе его даетъ новый элементъ для сравнительно-историческаго изученія всемірнаго права, а именно новый частичный примѣръ отношеній національной оригинальности права къ его общечеловѣческому значенію. Правъ азіатскихъ народовъ и притомъ столь мрачныхъ и рабскихъ, какъ монголы, кажутся намъ вполнѣ недостойными сравненія съ правами Европейскихъ культурныхъ народовъ; сравнительное изученіе права обыкновенно ими и не пользуется.

Между тѣмъ единство природы духа человѣческаго сказывается въ сферѣ права столь рѣшительно, что тотчасъ бросаются въ глаза ярко сходныя мѣста въ Уложеніи средне-азіатскихъ улусовъ XVII в. и напр. въ Русской Правдѣ.

Но прежде объ оригинальности калмыцкаго права.

Въ разсматриваемомъ памятникѣ монгольскаго права можно наблюдать весьма много особенностей чисто національнаго характера, много не только оригинальныхъ чертъ, но и такъ сказать чудачествъ.

Прежде всего относительно самой силы законовъ въ припискахъ къ Уставу 1640 г. (Галданъ ханъ тайджи) мы находимъ слѣдующее необыкновенное постановленіе (ст. 158): „кому изъ сего моего повелѣнія покажется что за непристойное, оному позволяется о томъ объявленіе учинить и свое мнѣніе представить; а буде сіе примется за благо, и оное должны утвердить. А ежели на сіе кто какого представленія не учинить, а будетъ прекословить въ томъ, что многіе примутъ за благо, и зато оной, яко ненавидащій покоя, претерпитъ многій гнѣвъ“. Нужно